

торая в реальности препятствует созиданию более эгалитарного и справедливо устроенного будущего человечества.

Вавилонская башня национализма

Разочарование значительной части человечества в глобальных политических проектах, начиная Просвещением, Модернизацией, капитализмом и заканчивая построением отдельно взятых «сверхцивилизаций», закономерно привело к проклятой стороне подобного мессианства – недоверию к «чужим». «Новые чужие» изнутри вдруг оказались опаснее, чем «старые враги» снаружи. Сегодня национализм оказался востребован везде, переживая свое второе рождение. Для бывших метрополий, образующих привилегированный центр современной миросистемы, национализм оказался естественной реакцией психологической защиты против волн мигрантов. На мировой периферии национально-освободительные движения привели к образованию новых наций-государств и одновременно стали ответом на несправедливость глобального мироустройства, желание его изменить в свою пользу. Кроме того, национализм во многом является иррациональной реакцией общественной мысли различных стран на кризис проектов и концепций, предполагавших построение более эгалитарного и справедливого глобального мира. В реальности в последние десятилетия разрыв богатых и бедных, Севера и Юга только продолжал нарастать.

В результате мировая периферия перестала питать иллюзии относительно идей, позволяющих догнать Запад, будь то шоковые реформы, догоняющая модернизация или вестернизация. Рост неравенств в современной миросистеме и внутри отдельных стран привел к ожидаемому выводу о необходимости отказа от «либерального консенсуса», так как последний не дал ожидаемых результатов в виде соци-

ального государства, права на достойный труд, бесплатное образование и здравоохранение большинству человечества. Одним из выходов в сложившейся ситуации стал взгляд на современный мир сквозь призму национализма. Но проблема в том, что этот самоочевидный ход изначально закрывает путь к самой возможности выработки наднациональных и общечеловеческих ценностей и прав, которую хотя бы декларирует основанная на либеральном консенсусе миросистема.

Более того, если в первый раз нации появились в результате универсализирующих проектов – Просвещения и Капитализма, то нынешнее торжество национализма стало продуктом исторического разочарования в прогрессе и «либеральном консенсусе» как основе движения человечества к более справедливому будущему. Ренессанс национализма обусловлен и тем, что он превратился в вынужденную идейную подпорку в ситуации кризиса привычных идеологий и превращения современных обществ из классовых в более аморфные массово-потребительские. *Попытки найти новую «правду жизни», выразить идеологически неангажированную «суть вещей» привели к отнюдь не новым формам национал-популизма. Вне глобального контекста, в ситуации, когда «либеральный консенсус» в базовых чертах для развитых стран осуществлен и исчерпан, национализм стал претендовать на большую степень «природности» и универсальности, чем привычные идеологии либерализма, консерватизма и социализма, отождествляясь с главной политической универсалией – нацией-государством.*

Но если при первом своем «пришествии» национализм был почти сакральной идеей разумного движения от традиционной аграрной общности к демократическому обществу, объединенному священным общественным договором, то в настоящее время он представляет собой не более

чем социально «расколдованную» и профанизированную политическую технологию. Риторика национализма откровенно используется господствующими элитами для сохранения социально-политического статус-кво, которое не всегда справедливо и демократично.

Политическая мифология этнонационализма

И этнос, и нация несмотря на множество существующих в научной литературе определений и того, и другого не обладают объективными, очевидными для всех наблюдателей характеристиками. Эти понятия являются политико-идеологическими, категориально размытыми. *Ни у нации, ни у этноса нет ни одного сущностного признака, с которым были бы согласны все исследователи.* Речь идет лишь о воображаемых сообществах, конечным доводом к существованию которых является не паспорт, антропометрические характеристики, гражданство и т.д., а вера конкретных индивидов в их принадлежность к тому или иному сообществу, называемому этносом или нацией. Как в свое время отметил Э. Ренан¹, нация в конечном итоге является результатом каждодневного плебисцита граждан, гордости за великую историю и консолидирующие ценности. И более фундаментальных оснований для наций придумать невозможно.

Этнос – архаическая структура организации человеческих сообществ, исторически предшествующая современным нациям, которые в теоретической литературе используются как синонимы современных государств (nation state). В настоящее время в мире насчитывается около 200 мультиэтнических государств (не все они могут быть названы нациями) и по разным подсчетам около 5000–7000 исторически сложившихся этносов. Сейчас фактически не

¹ Ренан Э. Что такое нация? СПб., 1898.

осталось территорий и государств (может быть кроме Японии), где компактно проживал бы один этнос. Поэтому гипотетический раздел государства по этническим границам ничего не решает, поскольку, чем больше возникает государств, тем больше образуется этнических меньшинств, так как новые государственные границы создают массу новых разделенных этнических общностей. Право на политическое самоопределение этносов в данном случае тождественно этническому сепаратизму внутри существующих наций-государств.

Отнюдь не случайное воскрешение этнической риторики в наше время обусловлено вовсе не возросшим самосознанием этносов, их новым «возрождением» в рамках уже существующих наций. Этническая проблематика в пространстве современных наций-государств играет важную, но лишь функциональную роль. Она представляет удобное средство для легитимации и морального возвышения частных и особенных (коллективных) политических интересов, их противопоставления всеобщему политическому интересу, который призвано выражать гражданское общество и/или нация-государство. Сегодня в условиях кризиса модернистских наций-государств происходит трансформация привычных ранее форм политической идентичности. В рамках политического модерна человек считал себя прежде всего представителем общностей социального, экономического и идеологического порядка как государство, нация, «средний класс», рабочие, предприниматели и т.п. Предполагалось, что европейская цивилизация создала универсальную форму нации-государства, к которой так или иначе будут эволюционировать все прочие формы государственности.

Новейшая политическая история опровергла этот тезис. Нация-государство все более упирается в высокие стены своей исторической и цивилизационной граничности, не позволяющей ей распространиться на все человечество в

целом. Более того, начинают трещать по этническим и конфессиональным швам уже существующие нации-государства. Наиболее разрушительным этот процесс оказался в странах бывшего социалистического блока. В более мягкой степени процессы этнизации наций-государств затронули европейские страны и США. В странах «первого мира» они проявились в виде неспособности стареющих наций интегрировать потоки трудовой эмиграции и размывании их этноконфессионального ядра в результате демографического застоя. В условиях кризиса модернистских наций-государств, последние все более уступают место ключевому политическому субъекту субнациональным (этносы) и транснациональным политическим субъектам (глобальные корпорации). Если ранее источником суверенитета государства являлся монарх как представитель божественного порядка на земле, то со временем источник суверенитета демократических государств стали связывать с общественным договором граждан, составляющих нацию-государство. Различие в том, что авторитет монарха священен, в то время как договор может подлежать периодическому пересмотру. В результате сегодня право суверенитета начинают усматривать и у этносов, и у ТНК.

В итоге политическая нация без тотализирующей «национальной идеи», будь то священный авторитет монарха или общественный договор, перерождается в совокупность частных корпораций, таких как транснациональные гиганты, мелкие фирмы, армия, церковь, университет и т.п. Рецепт нации-государства как «плавильного котла» этносов, культур, языков и религий оказался опровергнут примером многих стран. Одной из ведущих форм корпоративной идентичности становится этнос. Архаическая этническая риторика, выражаемая на языке политической мифологии через категории земли, крови, братства, исторического нарратива, оппозиции «мы-чужие» вытесняет ра-

ционализирующие политику модернистские идеологии. Вместе с тем, этническая идентичность, трактуемая как подлинность, в современной политике является мнимой и мифической, поскольку ни один этнос не собирается вновь возвращаться к временам, когда кровнородственные и антропометрические факторы человеческой общности перевешивали социальные факторы.

Этнос сегодня приобретает политическое звучание, вторгаясь в сферу «политического». В условиях упадка идеологий и разрушения наций-государств этнос и все его производные понятия становятся эффективным конструктивистским мифом, предназначенным для достижения политических, а отнюдь не собственно «этнических» целей. Согласно нормам международного права, нация является синонимом государства. Организация объединенных наций (ООН) является объединением именно государств, то есть «огосударвленных народов», а не этносов. Соответственно политической амбицией этноса в системе современного «этнического мифа» является претензия на создание «этнического государства». При этом на второй план уходит то обстоятельство, что территория планеты Земля давно поделена между нациями-государствами. Поэтому образование новых «этнических государств» возможно только силовым путем, через гражданскую войну, сепаратизм и развал существующих наций.

Например, примордиалисты считают, что этническая принадлежность есть нечто самоочевидное для индивида, ощущаемая им объективная «природа». Собственно принадлежность индивида к этносу (реальному или воображаемому, будь то хоббиты, гипербореи, марсиане) ничем кроме глубоко субъективного убеждения формально не удостоверяется, расселение его представителей не имеет четких территориальных границ.

Напомним лишь, что все современные нации-государства являются мультиэтническими. Различие лишь в ко-

личественной степени этнического разнообразия. Более того, «моноэтнических государств» в чистом виде никогда не существовало, эта идеология никогда не была реализована в политической практике по одной простой причине – в историческом аспекте государства вытесняли архаические племена-этноты. Поэтому идея «этнической государственности» является по определению самопротиворечивой. Поскольку современные нации полиэтничны, популистское «заигрывание» власти с этническим сознанием является «игрой с огнем». Лишь когда гражданская идентичность человека вытесняет на второй план его этническую идентичность, можно говорить о складывании нации-государства. Запуск обратного процесса разрушает нации-государства.

Формирование гражданской нации предполагает растворение входящих в нее этносов, путем поднятия уровня политической идентичности с этнической до национально-государственной. Нация уравнивает политические права не этносов (которые с образованием нации не могут претендовать на политические права), а граждан, входящих в состав нации. Нация – это *результат* гражданско-политического самоопределения. Поэтому проблема «этнического самоопределения вплоть до отделения» в рамках нации вообще является ложной проблемой. Этнос в рамках нации-государства не может быть коллективным политико-правовым субъектом, но только культурно-историческим.

Современные государства существуют только как нации, либо стремятся к этому. Нации-государства полиэтничны. Мультикультурализм, пропагандируемый постмодернистами, проблемы мирного сосуществования этносов в рамках нации-государства не решает. Государство, в котором этносы не объединены в политическую нацию общим национальным интересом, общей историей и идеологией, политически нежизнеспособно. Поэтому мультикультурализм здесь легко обращается в этнонационализм и сепара-

тизм, а политкорректность выступает способом обострения этнонациональных проблем.

Таким образом, можно заключить, что этнос и нация как ключевые понятия этнополитики вовсе не являются бинарной оппозицией альтернативных реальностей, но лишь терминов-антагонистов. Эти понятия из принципиально разных исторических эпох, также как и базирующиеся на конструктивистских или эссенциалистских подходах концепции nation-building. При переводе этнопроблематики в практическую плоскость, как это ни парадоксально на первый взгляд, отсутствие регулирования в сфере межэтнических отношений, зачастую является «меньшим злом», чем их регуляция на основе существующей этнонациональной политики в России, выстроенной в примордиалистской парадигме.

Деполитизировать этническое?

Очевидно, что оформление России как нации-государства требует деполитизации этнического, то есть выведения этнического за пределы политического и правового пространств. Этнизация политики и права провоцирует реальные политико-правовые конфликты, так как этнонационализм как теоретический язык политики априори конфликтен с реальностью современных наций-государств. Однако теория этнонационализма является удобным материалом для конструирования объяснительных политических схем бинарного характера, превращая научное знание о политике в набор мифологем. Этнонационализм претендует на проникновение к некоей последней и исконной «сущности вещей», оперируя представлениями о характерах, предназначениях, идеях и качествах представителей того или иного этноса, что неизменно выливается в набор этнонациональных анекдотов и (авто-) стереотипов.

Если обратиться к российскому опыту, то фактически признание политических прав этносов приведет к превра-

щению национально-территориальных субъектов в *моноэтнические* государства со своим суверенитетом, территорией, гражданством, конституцией и другими атрибутами и символами государства. Подобное самоопределение лишает данного права другие этносы, проживающие на той же территории, параллельно разрушая сложившееся государство. Это прямо противоречит нормам международного права о приоритете границ существующих государств над границами этнических ареалов¹. В связи с этим единственным прочным основанием современной государственности может быть только национальный суверенитет, где акцент переносится с этнической на политическую (территориально-государственную) общность, включающую в себя всех граждан государства, этническая принадлежность которых не имеет политического измерения. Естественно, что национально-территориальные образования в составе России трактуются их апологетами как форма политического самоопределения этноса в рамках сомнительной концепции «двойного суверенитета». Но дело в том, что территория России уже является местом самоопределения российской нации как политической и гражданской общности. Поэтому любое «вторичное» политическое переопределение по этническому признаку российскую нацию разрушает.

В западной традиции политической мысли национальная политика тождественна государственной, основанной на

¹ Любым государствам свойственно с течением времени возникать и распадаться, а политическая карта мира является самой изменчивой из всех его карт. Автор отдает себе отчет в том, что «плох тот этнос, который не мечтает стать суверенной нацией». Однако в данной статье речь идет о нормативном плане политике, об императивах, целях и приоритетах большинства «россиян» в долговременной перспективе. Причем эта нормативная перспектива исходит из сложившегося в России «здесь и сейчас» этнополитического статус-кво.

национальном (государственном) интересе общества в целом, представляемого как политическая (гражданская) нация. Соответственно национальные отношения являются отношениями между нациями-государствами. В России национальная политика, как правило, описывается в советской традиции как сфера регулирования межэтнических отношений в государстве, являющейся предметом этнополитики. Здесь «национальное» обычно тождественно «этническому».

История XX в. весьма наглядно и на многочисленных примерах доказала, что этнонациональное государство, где «политическое» полностью совпадает в своих границах с «этническим» как политическая форма решения национального вопроса, не только этот вопрос не решает, но и обостряет до крайности. Признание большевиками «права наций¹ на самоопределение»² диктовалось скорее тактическими соображениями В. Ленина по привлечению на свою сторону национальных окраин Российской империи, нежели убеждениями, так как дробление государств противоречило исторической фазе тогдашнего империализма.

Здесь можно возразить, что стремление большевиков даровать возможно большему числу этносов звание наций – это вполне объяснимое стремление предоставить возможно большему числу людей полноту прав, то есть совершенно последовательная модернистская стратегия. Но с другой стороны права этносов начинают входить в противоречие друг с другом, возникает неравенство прав, «позитивная дискриминация» представителей тех или иных этносов в рамках наций. Поэтому в начале 1930-х гг. от этой идеи

¹ На самом деле, в ленинских работах под нациями часто подразумевались и этносы, а сама категория нации имела предельно расплывчатый и контекстуальный характер идеологемы.

² *Ленин В.И. О праве наций на самоопределение // Полн. собр. соч. Т. 25. М., 1961.*

было решено отказаться, а право наций на самоопределение стало трактоваться как буржуазный ревизионизм¹.

Тем не менее, именно этой позиции было суждено надолго закрепиться в качестве официальной точки зрения на национальный вопрос в советский период. В то время ленинский рецепт диктовался утопией интернациональной классовой солидарности трудящихся, которая должна быть выше этнических интересов, отмиранием национальных (буржуазных) государств и грядущей мировой революцией, стирающей все различия. Поскольку ни одно из этих условий не сбылось, социалистические государства, построенные на этнотерриториальном принципе, существовали лишь тогда, когда реальная власть находилась не у официальных государственных органов – «власть советов», а в руках централизованной партийной вертикали. Как только эта вертикаль в силу ряда причин стала недееспособной, асимметричные, этнонациональные государства оказались нежизнеспособны политически и стали саморазрушаться (Югославия, СССР, Чехословакия, Индия и др.).

Политизации этничности способствовал и ложный перенос либеральной идеи о всеобщем равенстве прав отдельных граждан нации-государства на этносы как субъекты коллективных политических прав. Но нация изначально уравнивает политические права не этносов, которые с образованием нации уже не могут претендовать на политические права, а граждан, входящих в состав нации. В Российской Федерации ситуация усугубляется смешанным (территориальным и этническим) принципом выделения субъектов РФ, когда ряд этносов получает политический псевдо-суверенитет. Но асимметрия всегда потенциально центробежна, даже если носит символический характер.

¹ Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. М.: КДУ, 2005. С. 49-51.

Она деформирует правовую систему, когда в условиях политического неравенства право теряет свой нейтралитет, превращаясь в функцию обеспечения этнических, клановых и прочих интересов.

Правовая асимметрия субъектов РФ как учет этнических особенностей развития России противоречит Конституции (ст. 5, п. 1), согласно которой все субъекты равны. Это равенство прямо нарушается в рамках самой же Конституции (ст. 66, пп. 1-2). Между тем, в современной теории государства и права устоялась теоретическая позиция, согласно которой политический суверенитет государства един и неделим. Поэтому «двойной суверенитет» РФ и этнонационального субъекта РФ является противоречием по определению: «государства в государстве» по принципу матрешки существовать не может. Например, политический суверенитет субъекта РФ в отношениях с федеральными органами власти невозможен, так как указывает на принцип межгосударственных отношений, отсылающий к международному праву.

Тем не менее попытки апологетики концепции политического суверенитета этносов в рамках суверенитета нации не прекращаются, несмотря даже на тот факт, что провозглашение политического суверенитета любого субъекта РФ противоречит ст. 4 п. 1 Конституции России: «Суверенитет Российской Федерации распространяется на всю ее территорию». Следовательно, в составе нации этносы могут претендовать только на экстерриториальную автономию. Ориентиром здесь может выступать концепция национально-персональной автономии, разработанная в начале XX в. австрийскими социал-демократами К. Реннером и О. Бауэром¹. Политический суверенитет любого субъекта РФ в отношениях с федеральными органами вла-

¹ См. подр.: *Бауэр О.* Национальный вопрос и социал-демократия. СПб., 1909.

сти невозможен, так как указывает на принцип межгосударственных отношений, отсылающий к международному праву. Этнонационализм содержит аксиому о тождестве нации и этноса.

Православные, русские, россияне?

Итак, распад практически сложившейся нации – «советского народа» – привел к системному кризису политической идентификации. Произошел закономерный распад «российского населения»¹ на множество субнациональных групп (этнических, региональных, возрастных, экологических и т.д.), противопоставляющих себя в категориях мы – они, наши – чужие (враги). Следует отметить, что в советский период несмотря на создание идеологической общности «советский народ» предпосылки этнической фрагментации не были устранены, но лишь отодвинуты на второй план монопольной коммунистической идеологией. Исторической ошибкой была попытка создать «советский народ» как совокупность автономных и неделимых этносов, где последние в классических либеральных традициях стали субститутами неделимых индивидов с их неотъемлемыми правами. В результате этнополитического переосмысления классических концепций общественного договора этносы были превращены в некие искусственные, неделимые субъекты политических прав. После того, как реальная партийная вертикаль управления страной перестала функционировать, общество оказалось в идеологическом вакууме. Попытки наспех сконструировать политическую нацию «россиян» успехом не увенчались, процесс нациестроительства застыл.

«Россияне», исторические наследники «православных» и «советских», явились крайне неэффективной по-

¹ Именно населения, а не российской нации, являющейся целью, которую еще нужно достичь.

пыткой наименования новой гражданско-политической нации. Проблема состоит в том, что функцию именования народа в целом обычно выполнял этноним «русские». За пределами России эта функция остается за ним до сих пор. Гражданский, а не этнический характер «русского» проявлялся уже в его определении как подданного Российской империи. Превращение русских в этноним было произведено лишь в XX в. большевиками, когда национальная принадлежность вытеснила прежнюю базовую идентичность вероисповедания. Сегодня можно признать очевидным тот факт, что конструктивистская идентичность «россияне», официально внедряемая последние 15 лет, не смогла выполнить функции ведущей идентичности, сплавляющей население России в политическую нацию.

Актуальное возрождение этнонациональной проблематики в постсоветской политике во многом связано с тем, что этническое стало своеобразным эрзацем классового. В этнонационализме на смену таким ключевым субъектам политики и истории как сословия, касты, классы, индивиды приходят этносы как коллективные субъекты общественных отношений. Этнонационализм предстает как попытка объяснить социальное неравенство не посредством классовых, то есть социально-экономических, а из этнокультурных различий¹. Здесь современная этнополитика в своей примордиалистской парадигме лишь подхватывает конструкцию понятий советского официоза, замещая классовые категории этническими, но не касаясь самой логики изложения.

Этнонационализм титульных элит в 90-х гг. XX в. проявил себя как эффективный инструмент давления на федеральный центр в условиях сложившегося ассиметрич-

¹ *Соколов М.М.* Классовое как этническое: риторика русского радикально-националистического движения // ПОЛИС, 2005. № 2. С. 131-135.

ного федерализма. Легитимность политического доминирования этнических элит обычно выводится не из правовых, а из сомнительных моральных аргументов: реальное или воображаемое притеснение, этноцид, «колониальная» эксплуатация, насильственное присоединение и т.п. Реально же борьба в рамках территории совместного проживания разных этносов за провозглашение своего этноса в качестве титульного приводит к феномену тирании меньшинства. Мифогенная этническая риторика возникает не вследствие этнического многообразия, но как действенное средство этнических элит в борьбе за власть и привилегии, получаемые в обмен на лояльность. В результате у власти оказывается этническая элита – «выборные диктатуры» (М. Шаймиев, К. Илюмжинов, М. Рахимов и др.).

Тем не менее в настоящий период этнонационализм как политический ресурс теряет былую эффективность и маргинализируется. Российская политика все менее окрашена в этнические тона, а этническая идентичность все менее связана с идентичностью политической. Многие исследователи даже начали говорить о процессе де-этнизации российской политики. Например, О.Г. Буховец утверждает, что постсоветский этнонационализм является временным всплеском, который в условиях современного российского модерна обречен на скорое забвение¹. Де-этнизация действительно является одним из следствий усиления властной вертикали и свертывания региональных публичных политик. Этнонационализм во многом «выработал» свой центробежный ресурс, уступив актуальной централизации федеративных отношений в России. Однако говорить о его окончательном поражении – значит выдавать желаемое за действительное.

¹ Буховец О.Г. О временных ресурсах постсоветского этнонационализма // ПОЛИС, 2005. № 2. С. 140-142.

Дело в том, что основным фактором, порождающим этнические конфликты в современном государстве, является не естественная неприязнь этносов, а целенаправленная политическая проблематизация возможности этих конфликтов: «Этническая конфликтность, вызываемая столкновением «этнических интересов» и внешними манипуляциями, предстает как квазиприродная *стихия* и с этой точки зрения – как «естественное», объективно данное состояние межэтнических отношений. В этом смысле власть в принципе не несет ответственности за возникновение конфликтов. Поскольку этнические конфликты угрожают безопасности общества и государства, последнее обязано принять вызов и заняться укрощением *стихий*»¹. При этом риторика «предотвращения конфликта» и «обеспечения межнационального согласия» может быть использована для прямо противоположных целей – «легализации дискриминационных практик»².

Возможные возражения

Безусловно, изложенные выше соображения могут быть подвергнуты обоснованной критике. Оценка концепции этнического самоопределения в рамках национального государства как «ложной» является оценочным суждением, свидетельствующим о политической ангажированности автора. Так ли уж она ложна? Возражения могут быть обоснованы тем, что все национальные государства Запада осознали себя таковыми, когда был поднят вопрос о гражданских правах в их *полном* объеме, в результате цикла буржуазных революций. В процессе революций священный

¹ Осипов А. Конструирование этнического конфликта и расистский дискурс // Расизм в языке социальных наук. СПб.: Алетейя, 2002. С. 115.

² Там же. С. 116.

суверенитет монарха, распространяемый на весь народ, был заменен на более легитимную и прогрессивную трактовку суверенитета как негласного общественного договора граждан государства. Иными словами, *полноправные* граждане стали решать, при каком режиме им жить. Собственно, момент этого решения и есть момент осознания себя нацией.

Подданный, например, может обладать не меньшим, а то и большим объемом личных гражданских прав, чем гражданин демократической республики, кроме одного: права устанавливать форму правления. Подданническое самосознание может эволюционировать в национальное как постепенно, по мере возрастания влияния народа на форму и приемы правления (Великобритания), так и революционно (Франция, Россия). Поэтому исторически процесс национализации выглядел так: французы получили свои права, как только осознали себя французами, американцы – американцами, немцы – немцами и т.д.

В полном соответствии с теорией общественного договора так стало именоваться сообщество граждан, обладающее суверенитетом, то есть *всем* объемом прав. И здесь, с точки зрения примордиализма, этническое самозначение – первое, что приходит на ум. В условиях полиэтничного государства группы, которые по культурным причинам ощущают себя отличными от большинства, также хотят обладать полнотой прав. В этом они лишь подражают титульной нации. Но подобное действие (по неоднократно проверенной схеме), *осуществляемое уже в рамках национальных государств*, порождая искомые феномены сепаратизма и этнонационализма. Здесь для легитимации сепаратизма и этнонационализма в примордиалистской парадигме осуществляется отождествление прав гражданина и прав этноса.

Права этноса обосновываются с точки зрения дискриминации политических прав граждан, входящих в состав

этого этноса. Но восстановление этих прав де-факто означает разрушение нации в ее уже существующих границах. Поэтому любое государство, сколь бы демократическим оно ни было, преследуя этнонационалистов, отрицает их «право на полноту прав». Отрицает их желание иметь государство для своей этнической группы, *право вообще называть себя нацией*: «не доросли еще». Можно возразить: когда-нибудь дорастут и силой заставят признать за собой «право на полноту прав», как это уже не один раз случалось. Вполне возможно, что и так. Однако речь идет о принципах национально-государственной политики не «для кого-то и неизвестно когда», а для баланса реальных сил «здесь и сейчас».

Поскольку вопрос о политико-этническом самоопределении ведет к подрыву сложившихся государств, в большинстве случаев он переформулируется в другую проблему – в вопрос объема гражданских прав. То есть считается, что представители этнических меньшинств не в полном объеме получают гражданско-политические права, связанные с потенциальной невозможностью этносов-меньшинств преобразоваться в результате самоопределения в отдельное государство и получить политический суверенитет. Как нечто само собой разумеющееся этнополитические парадигмы предполагают, явно или косвенно, право этносов на политическое самоопределение в рамках уже существующих наций-государств, что не менее последовательно отрицается официальными идеологиями этих наций.

Итак, предельная проблема в данном случае выглядит следующим образом – можно ли найти способ не связывать полноту гражданских прав с этничностью и национальностью. В рамках современного национального государства это означает «искусственное прерывание самореференции»¹ –

¹ Луман Н. Парадокс и тавтология в самоописаниях современного общества // Социо-Логос. М.: Прогресс, 1991. С. 194-219.

произвольно установленное ограничение. Аксиома этого ограничения такова – национальное государство граждан уже существует с гарантированными для всех граждан одинаковыми правами. Иными словами, хочешь изменить форму правления или добиться политического самоопределения – добивайся этого в существующих рамках, то есть добивайся согласия большинства. Хочешь наслаждаться всеми правами – так все условия для этого уже созданы.

История доказывает, что искусственное ограничение нередко снимается силой. Можно поставить над национальным государством или над этносами императора. Тогда все будут присягать ему, а он также поклянется в верности своему долгу. В сущности, имперское решение национального вопроса заключается в наличии альтернативного национальному источнику суверенитета. Если все права проистекают только от народа, нации – этнонационализм неизбежен. Если существует другой суверен, наделяющий правами – император, тогда претензия любой нации на полноту прав беспочвенна. Обосновать необходимость такого альтернативного источника суверенитета в настоящее время уже не представляется возможным. Божественное право королей давно проиграло битву за историю теориям общественного договора. Единственный путь – в добровольном отказе народа-суверена от полноты прав в пользу суверена-императора, отказа осуществляемого на основаниях примата чести над правом. Но вероятность подобного политического решения в современных нациях-государствах близка к нулю.

Оборотная сторона национализма

Исторически национализм поддерживался введением трех интегрирующих нацию практик: всеобщего голосования на выборах; построением социального государства, снижающего остроту классовых конфликтов внутри нации;

созданием системы национальной идентичности посредством всеобщего образования и всеобщей воинской повинности. Но по мере осуществления перечисленных практик, формирующих современных нации, каждая из них столкнулась со своего рода «проклятой стороной вещей». Против всеобщего голосования, призванного выразить интегральную волю всех значимых социальных групп, нашлось противоядие в виде совершенствования элитами манипулятивных технологий, способов откладывания проблем большинства населения на будущее и контроля информационной повестки дня. Социальное государство оказалось недостижимой целью для экономики большинства стран актуальной миросистемы. Наконец, единые стандарты школьного образования были поставлены под вопрос мультикультуралистами, а всеобщая воинская повинность постепенно стала исчезать, заменяясь профессиональным принципом формирования армий. Последний процесс, как показывает человеческая история, обычно предвещает последние времена империй и государств, граждане которых отвыкли их защищать.

Тем не менее несмотря на все эти негативные для современных наций процессы за отсутствием серьезной альтернативы государства-нации остаются ключевыми политическими субъектами в современном мире, а национализм – наиболее «реальным» политическим концептом. Силовые линии мировой политики продолжают регулироваться правительствами ведущих наций, а вовсе не ТНК и международными институтами типа МВФ, ВТО, ООН, ЕС и т.п. Последние многократно продемонстрировали свою слабость и беспомощность в решении реальных мировых проблем, будь то фарсовые суды над Слободаном Милошевичем и Саддамом Хуссейном или неспособность добиться выполнения собственных решений и резолюций.

Россия в настоящее время пребывает в фундаментально неустойчивом состоянии. С помощью ситуативных

прагматических решений можно стабилизировать конфликтную политическую ситуацию, но нельзя ее принципиально разрешить. Актуальная политика федеральной государственной власти сегодня – это политика «отложенного стратегического выбора». Тем не менее, делать этот фундаментальный выбор рано или поздно все же придется. Иначе он будет сделан уже без согласия и вопреки интересам большинства граждан России.

Со времен Просвещения стержневой формой политической организации общества является нация-государство. То есть правом на политическое самоопределение и государственной суверенитет начинает обладать только нация как идеологический суперэтнос – образование политического порядка, надстраиваемое над архаичным этносом. Нация-государство является в первую очередь гражданско-политическим образованием, «этнизация» политики сводит нацию к природно-культурному, что является шагом назад.

Нашей исходной аксиомой был приоритет стабильности существующих «здесь и сейчас» наций-государств и соответственно средств, которые эту стабильность обеспечивают, над прочими приоритетами. В данном случае стремление сделать лучше – «для будущего», или для восстановления якобы попорченной «исторической справедливости» – обычно оборачивается тем же, чем всегда – этнонациональными конфликтами, вопреки всем благим пожеланиям. То есть бóльшим злом. На самом деле альтернативы демократических наций-государств немногочисленны: а) империя с понятием подданства; б) стратегия «плавильного тигля»; в) этнические чистки. В случаях: а) возврат к имперской истории невозможен, а если возможен, то не иначе как фарс; б) опыт России, стран ЕС и США доказал, что «плавильный тигель» есть утопия, а процессы развала современных наций различными меньшинствами постепенно начинают брать верх над механизмами ассимиляции этих

меньшинств; в) вопрос политического самоопределения снимается вместе с ликвидацией субъекта этих возможных прав, что является неприемлемой (за исключением экстремистов разных мастей) альтернативой современности, то есть сохранения политического (суверенного) статус-кво имеющихся наций.

Автор исходит из обнадеживающей и в меру оптимистической посылки о том, что Россия находится в периоде формирования зрелой гражданской (политической) нации. Условием успешного построения нации-государства является «деполитизация этнического» в российской политике. Советский (и мировой) опыт «огосударствления этносов» показал свою бесперспективность в практике современных полиэтничных государств, став одной из причин развала СССР. Негативный исторический опыт СССР, Чехословакии, Югославии, Индии доказывает, что федерация вообще не может быть «политической формой решения национального вопроса», как об этом в начале XX в. прозорливо предостерегал В.И. Ленин¹. Федерация как компромиссная форма политического устройства всегда содержит в себе явные либо латентные признаки сепаратистских тенденций этнического характера, интенсивность которых определяется соотношением и количеством этносов, состоянием экономики, эффективностью законодательства, историей государства и т.д.

Тем не менее примордиалистская парадигма остается теоретическим оружием этнонационализма, выступающего в настоящее время в виде различных «политкорректных» версий мультикультурализма. Однако вопреки заявляемым целям политкорректная риторика, как правило, лишь обостряет межэтническую напряженность и консервирует этноцентристские стереотипы и идентичности, приписывая

¹ Ленин В.И. О праве наций на самоопределение // Полн. собр. соч. Т. 25. С. 259-262.

им фундаментальный характер. Поэтому условием стабильного существования современной нации является поддержание правильной иерархии идентичностей. В этой иерархии, по определению, на политический статус может претендовать лишь гражданская идентичность человека, являющаяся приоритетной перед всеми прочими его идентичностями, в том числе и этнической.

Опыт бывших социалистических и нынешних «развитых стран» со всей очевидностью доказывает, что политика привилегий (иначе называемых «позитивной дискриминацией») для меньшинств (этнических, конфессиональных, языковых и т.п.), принятия государством перед ними неких эксклюзивных обязательств (правовых и моральных) не решает тех исходных задач, ради которых эти шаги предпринимаются. Наоборот, подобная эксклюзивность лишь провоцирует фрагментацию современных полиэтнических сообществ, препятствуя их интеграции в политические нации. Выделение каких-либо групп, обладающих большим объемом прав и привилегий, чем любые другие граждане, является первым шагом к политизации «национального вопроса» и этнонациональному конфликту.

Представляется, что условием сохранения большинства современных наций является выстраивание справедливой шкалы интересов, где всеобщий политический интерес может выразить лишь вся совокупность граждан, через институты гражданского участия, выборы, референдумы и законы. Собственно гарантия соблюдения национального интереса и удерживает от распада нации-государства. Соответственно, интересы различных групп и меньшинств, являясь частными и особенными, не могут претендовать на сферу политического (всеобщего). Допуск таких интересов в политическую область неизбежно ведет к эрозии обществ, более не способных обеспечить собственный национальный (государственный, политический) интерес.

*Случай России: национализм как симуляция
общественного договора*

В первую очередь нужно ответить на вопрос – нужна ли национальная идеология России в принципе? Не является ли ее поиск результатом дискомфорта элит, интеллигенции и общества в целом от отсутствия привычной русскому человеку государственной идеологии, будь то «православие, самодержавие, народность» или коммунистическая идея? Дело в том, что наличие идеологии, регулирующей все сферы общественной жизни, освобождает население от «бремени свободы», от необходимости совершать трудный личный выбор и затем быть готовым отвечать за свои поступки.

Существуют ли в российском обществе, помимо национализма, если не идеи, то хотя бы институты, которые могли бы стать основой общенациональной солидарности? Иррациональный по своей сути национализм востребован именно в ситуации кризиса прошлых идеологий. Разочарование в идеологиях вчерашнего биполярного мира привело к попыткам ведения политики, основанной на здравом смысле, которая неизменно вырождается в популизм и прагматизм. Фактически политические выступления и тексты Владимира Путина, Ангелы Меркель, Джорджа Буша или Энтони Блера не поддаются какой-либо отчетливой идеологической идентификации. Таковы издержки многополярности современного мира, нестабильности и непредсказуемости мирового порядка, когда любые идентичности более высокого порядка, чем национальные, оказываются под вопросом.

С одной стороны, ощущение исторической избранности и национальная гордость – нормальные чувства всех уважающих себя наций, которые не дают этим нациям распасться. Рационализация этого мифа, по сути, лишает власть аргументов в пользу сохранения общества, страны,

государства. Если нет общей истории, славных предков, веры в историческую справедливость, гордости за страну, почему тогда гражданин призывного возраста должен быть готов отдать жизнь за некий фантом: Родину, государство, народ? Но с другой стороны, назойливое просвещение в национальном вопросе лишь накладывает на мировоззрение молодежи сетку конфликтных этнических категорий.

Согласно исследованиям антропологов, дети не ощущают расовых и этнических различий между собой. Все дети равны. Чувствительность к национальному, восприятие того или иного человека не как такового, но его «предзнание» в качестве представителя того или иного этноса возникает именно под влиянием взрослых. И не лучшим ли в данном случае способом будет молчание власти и активистов из Общественной Палаты РФ о межэтнических отношениях внутри страны. Поскольку подобное «просвещение» на самом деле лишь создает новые проблемы, своего рода мины замедленного действия, которые в перспективе будут легко сведены к оправданию политического сепаратизма. Каждый взрослый человек способен выработать свое мнение по любым политическим вопросам – таков постулат демократии. Люди общаются между собой не как представители этносов, а как конкретные личности. «Просвещение» же, идущее от власти, часто оказывается лишь попыткой манипуляции, отказом признавать самостоятельность и «взрослость» своих граждан.

С другой стороны, возможна ли сегодня консолидация актуального российского общества путем опоры на принципиально иные идеи, помимо карикатурного национализма? Российская история свидетельствует в пользу возможности такой консолидации. По крайней мере, и «православие, самодержавие, народность», и советский интернационализм имеют мало общего с актуальным национализмом поверхностного, прагматично-популистского толка.

Тем не менее, на обломках «советской империи» власть так и не смогла предложить «расколотому обществу» новый интегрирующий миф. Как официальные идеологи, так и оппозиционеры «латают» и рекомбинируют набор уже поношенных историй идей и мифов: начиная с евразийства и панславизма, заканчивая либерализмом и неомарксизмом. Пока можно констатировать, что все новейшие попытки придумать национальную идею для России кончились крахом. Было предложено множество проектов: евразийская империя, либеральная империя, СССР-2, «суверенная демократия», «национальные проекты». Но общество их не восприняло. Как оказалось, эффективно работает лишь национализм.

Поэтому ситуация в России аналогична библейскому сюжету о крахе Вавилонской башни, когда разные социальные и возрастные слои населения говорят на разных идеологических языках. Люди в российских мегаполисах и в глубинке вообще живут в разном историческом времени. В этой разорванности и заключается основная проблема. Пока большая часть населения не согласится с некой системой ценностей, институтов и практик предполагающей справедливое, на взгляд большинства, устройство российского общества, в своем фундаменте это общество не будет ни единым, ни стабильным. Однако новая социальная утопия или общественный договор не могут инициироваться властной элитой, которая удовлетворена поистине неустойчивым статус-кво и склонна пытаться его законсервировать.

Не исключено, что в обозримом будущем катализатором серьезных социальных перемен могут стать только социальные потрясения или природная катастрофа. Но пока зыбкий статус-кво сохраняется, в России вынужденно будет господствовать архаичный и неэффективный национализм. Таким образом, российский национализм се-

годня – это паллиатив реального общественного согласия вокруг позитивной интерпретации российского исторического мифа и неких базовых ценностей, социальных институтов и политических практик, которые могли бы действительно легитимировать постсоветский общественный строй.

Ни Запад, ни Восток: западничество-почвенничество как мифология идентичности

Если рассматривать историю прерывно и дискретно (в противовес историцизму), Россия с первой половины XIX в., когда оформился конфликт западников и славянофилов, до начала XXI в. пережила несколько глобальных культурных разрывов. Сегодня страна находится в совершенно иной исторической эпистеме, чем в XIX в. Соответственно, ретроспективно установленная преемственность проблематики споров западников и славянофилов, ее перенос на актуальные политические процессы и теории является в настоящее время ложной парадигмой.

Некритически воспроизводимая терминология западников и славянофилов несет исторический шлейф смыслов, который вовлекает спорящие стороны совсем в иную, уже «почившую в Бозе» логику спора, отвлекая от политических реалий глобальной мироэкономики. Суть исторического спора сводилась к проблеме модернизации страны, приятию или отторжению Россией середины XIX в. капитализма, а также соответствующей этики: быть ей целерациональной утилитарной этикой капитализма и прогресса, нацеленных на эффективность, логику прибыли и выгоду, либо оставаться православной эквивалентной «этикой дара», характерной для традиционных обществ. Та же проблема, но в другой формулировке: что важнее – экономика капитализма, формирующая логику и ценности универ-